

Р. Ю. Фёдоров

*Институт криосферы Земли Тюменского научного центра
СО РАН, Тюменский государственный университет*

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
КРЕСТЬЯНСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ В СИБИРЬ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.***

Аннотация. Рассмотрены некоторые социокультурные последствия аграрных миграций восточных славян в Сибирь второй половины XIX – начала XX вв., связанные с возникновением новых форм этнокультурной идентичности, увеличением культурного разнообразия, а также межэтнической интеграцией отдельных переселенческих сообществ.

Ключевые слова: Сибирь, восточные славяне, крестьянские переселения, этнокультурная идентичность.

R. Yu. Fedorov

*Institute of the Earth Cryosphere, Tyumen Scientific Centre
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*

**SOCIAL AND CULTURAL CONSEQUENCES
OF PEASANT MIGRATIONS TO SIBERIA IN THE SECOND
HALF OF XIX – BEGINNING OF XX CENTURIES***

**Работа по данной теме проводится при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00028.*

Крестьянские переселения в Сибирь во второй половине XIX – начале XX вв. привели не только к масштабным демографическим и экономическим сдвигам в жизни России. Помимо них, они серьезным образом изменили социокультурный облик азиатской части России. Исходя из этого, основная задача настоящей работы состоит в анализе данных изменений, опирающихся на собранные

автором в 2001–2018 гг. в ряде регионов Сибири полевые материалы, отражающие особенности этнокультурных и этносоциальных процессов в среде восточнославянских крестьян-переселенцев.

Благодаря преобладанию промысловых черт в русском освоении Сибири в период с конца XVI до начала XVIII столетия, первые очаги оседлой хозяйственной жизни на ее территории складывались вокруг городов-острогов, позднее – вблизи первых водных и сухопутных путей сообщения между ними¹. При этом после закрепления за российским государством новых восточных рубежей казаками-первопроходцами, основным источником формирования аграрной среды Сибири начинали выступать государственные крестьяне².

На протяжении XVII–XVIII вв. на территории Сибири начали складываться специфические территориально-этнографические и конфессионально-этнографические группы восточнославянского населения, этнокультурные особенности которых определялись такими основными факторами, как привнесение на территорию Сибири различных региональных вариаций традиционной культуры с европейской части России (с первоначальным доминированием севернорусских традиций), переселение старообрядческих общин, принадлежавших к разным согласиям, появление метисных локальных групп между восточнославянскими и коренными народами Сибири и т.д. При этом прирост крестьянского населения в Сибири осуществлялся достаточно медленно. Составляя в конце XVII в. численность около 20 тыс. чел., к середине XIX в. общее число крестьян в Сибири не превышало 1,5 миллиона человек³.

Период развития капитализма в России во второй половине XIX – начале XX вв. ознаменовался серьезными изменениями в характере и масштабах миграционных процессов в Сибири. В Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. не был осуществлен прямой учет национального состава населения страны. Косвенное представление о нем дают лишь данные о количестве проживавших в России людей, выбравших в качестве родного определенным язык. Исходя из этого показателя, в Сибири на тот момент проживало 4 659 423 чел., являвшихся носителями восточнославянских языков, что составляло 80,91 % от общей численности населения Сибири. Из них 94,94 % составляли люди, для которых родным был великорусский язык, 4,79 % – малорусский и 0,26 % – белорусский⁴.

Важным источником, отражающим этническую структуру населения Сибири, после проведения аграрной реформы П. А. Столыпина стала Всесоюзная перепись населения 1926 г. В ходе ее проведения впервые была произведена дифференциация проживавших на ее территории восточных славян на русских, украинцев и белорусов. В соответствии с данными переписи, восточнославянское население Сибирского края на тот момент составляло 7 915 748 чел. (91,11 % от общей численности населения), из них русских – 6 767 892 чел. (85,5 %), украинцев – 827 536 чел. (10,45 %), белорусов – 320 320 чел. (4,05 %). При этом 79,36 % восточнославянского населения Сибирского края проживало в сельской местности⁵.

Однако приведенные выше цифры не в состоянии отразить всей сложности не учитывавшихся статистикой стихийно складывавшихся в народной жизни форм этнокультурной идентичности. Так, на рубеже XIX–XX вв. на территории большей части земледельческой зоны Сибири широкое распространение получили названия «челдон»/«чалдон» и «самоход». Первым из них было принято называть русское старожильческое население Сибири, формировавшееся в период с XVI до первой половины XIX в. Вторым названием, как правило, обозначали восточнославянских переселенцев конца XIX – начала XX вв. Несмотря на кажущуюся очевидность смысла этих двух названий, они до сих пор имеют целый ряд различных объяснений и трактовок. В отличие от российских переселенцев второй половины XIX в., старожилы-чалдоны не помнили европейского «прошлого» своих прадедов. Они считали, а их потомки и сегодня считают себя живущими в Сибири с незапамятных времен, почему среди них распространены такие категоричные высказывания о себе, как: «мы – закоренные сибиряки», «чистые сибиряки», «чалдоны – извечные сибиряки», «нация была русские чалдоны» и т. д.⁶ Сегодня многие ученые считают чалдонов названием одной из групп русского населения Сибири, т.е. этнонимом⁷. В данном определении важно обратить внимание на то, что своему возникновению название «челдон» во многом обязано тому, что в своем мировоззрении старожилы и переселенцы отчетливо осознавали свои социокультурные различия.

В разных регионах названием «самоход» нередко обозначали крестьян, переселившихся в Сибирь как в конце XIX в., так

и в годы столыпинской реформы. При этом, по результатам наших наблюдений, сделанных в ходе полевых исследований, ареал массового распространения названий «самоход» и «челдон» преимущественно простирается в пределах земледельческой зоны, начиная с Зауралья (восточные районы Свердловской обл.), заканчивая Прибайкальем (Иркутская обл.). В то же время следует отметить, что в отдельных обследованных нами районах Томской, Иркутской обл., Красноярского края и других регионов Сибири, в которых сегодня проживают потомки столыпинских переселенцев, слово «самоход» сегодня не употребляется в качестве самоназвания, зато по отношению к старожилам продолжает использоваться название «челдон».

Опираясь на приведенные выше примеры, можно сделать вывод о том, что первоначально слова «челдон» и «самоход» имели свои узкие, локальные значения, но позднее, по мере развития переселенческого движения, они превратились в своеобразные этнокультурные стереотипы. При этом, на наш взгляд, эти слова нельзя в полной мере отнести лишь к этнонимам, хотя в неявном виде в этих названиях очерчены границы этничности тех общностей, которые они обозначают. Так, челдон – это русский, при этом допустимо, что его предки могли породниться с представителями каких-нибудь коренных народов Сибири. Самоход – это, как правило, переселенец из западных или центральных губерний, относящийся к восточнославянским народам.

Следует отметить, что сложившееся в Сибири разделение жителей аграрной среды на челдонов и самоходов далеко не исчерпывает круг этнокультурных стереотипов, которые применялись к восточнославянским крестьянам-переселенцам. К их распространенным примерам также можно отнести название «лапотники», которое давали носившим лапти переселенцам старожилы, предпочитавшие кожаную обувь, а также – название «хохлы», которое в Сибири из-за стереотипных представлений о диалектных особенностях речи и фригативного произношения буквы «Г» иногда использовалось не только в отношении украинцев, но и белорусов, а также – русских, переселившихся из некоторых южных и западных губерний.

Практически для всех восточнославянских переселенцев в Сибири была характерная самоидентификация по регионам выхода.

По мнению ряда исследователей, земляческие этнонимы типа «речичане», «полочане», «могилевцы» еще во времена Древней Руси обозначали субэтнические общности с полной социальной структурой, с особенностями языка, культуры, самосознанием⁸. В Сибири региональная самоидентификация преобладала не только среди выходцев из Европейской России, называвших себя «рязанскими», «вятскими» и т.д., но также и среди украинцев и белорусов, чье этническое самосознание еще не было окончательно сформировано в период массовых крестьянских переселений второй половины XIX – начала XX в. При этом, как отмечала Е. Ф. Фурсова, «украинцы и белорусы Западной Сибири ни в период поселения начала XX в., ни в более позднее время не представляли собой организованной общности, способной к политической или другой мобилизации. Более того, различия между черниговскими и киевскими, полтавскими и гродненскими, могилевскими и минскими переселенцами были весьма заметны, как и у представителей русских этнографических групп»⁹.

Переселившись в Сибирь, выходцы из одной губернии стремились создать свои земляческие микрообщности. Можно выделить несколько моделей расселения восточнославянских крестьян-переселенцев в Сибири, которые во многом обусловили характер сохранения или трансформаций их этнокультурной идентичности.

Со второй половины XIX в. до начала аграрной реформы П. А. Столыпина наиболее часто практиковалось подселение переселенческих общин в уже сложившиеся старожильческие деревни. Как правило, это приводило к взаимному обособлению двух этнокультурных групп. После столыпинской реформы один переселенческий участок мог часто заселяться несколькими общинами из разных регионов. В этих случаях каждая из них, по возможности, стремились обосноваться в пределах одной улицы или конца деревни. Однако, в отличие от деревень, в которых переселенцев подселяли к старожилам, в подобных поселениях интеграция нескольких общин, находившихся в равных социально-экономических условиях, происходила значительно быстрее.

Еще одной формой расселения переселенцев, получившей широкое распространение в Сибири в период столыпинской реформы, было создание хуторов, состоявших из одного или нескольких домохозяйств. В этнокультурной идентичности жителей хуторов было сильнее выражено доминирование семейно-родового

начала. При этом, оставаясь интегрированными в окружающую социально-экономическую действительность, они имели более благоприятные условия для сохранения этнических традиций, привнесенных из мест выхода. Повсеместная ликвидация хуторов в 1930-е – начале 1940-х гг. вынуждала их жителей переселяться в сравнительно крупные деревни и поселки, в которых образовывались колхозы и совхозы. Чаще всего это приводило к довольно быстрому процессу «растворения» привнесенных из мест выхода особенностей традиционной культуры в новых полиэтнических общностях.

Наиболее устойчивой в плане сохранения этнокультурных особенностей переселенцев моделью расселения являлся куст деревень, основанный выходцами из одной губернии. Благодаря частому преобладанию браков между их жителями, население этих деревень помимо земляческих связей со временем формировало укреплявшую их семейно-родовую общность.

В результате крестьянских переселений второй половины XIX – начала XX в. на территории Сибири в той или иной степени оказались представлены практически все региональные вариации традиционной культуры восточных славян. Исходя из этого, в этнокультурном плане аграрная среда Сибири стала подобна лоскутному одеялу, сшитому из микрообщностей, в которых доминировали или находились в определенных соотношениях различные локальные традиции и формы идентичности.

Данная ситуация оказала большое влияние на усложнение и развитие культурного разнообразия Сибири, для восточнославянского населения которой в тот период стала характерна высокая степень вариативности календарной и семейной обрядности, а также – традиционной материальной культуры. В развитии этого культурного разнообразия можно выделить несколько тенденций. С одной стороны, отдельные привнесенные извне элементы традиционной культуры могли сохранять свое бытование в почти неизменном виде на протяжении длительного времени. К примеру, белорусские крестьяне, переселившиеся из Могилевской губернии на территорию современного Викуловского района Тюменской области, вот уже около 100 лет сохраняют в Сибири характерный лишь для Полесья обряд почитания и переноса иконы «Свеча»¹⁰.

В то же время, благодаря бытовым контактам и смешанным бракам, нередко можно наблюдать своеобразный синтез традиций

различных этнолокальных групп. В этом плане для территории Сибири стал характерным своеобразный эволюционный процесс «естественного отбора», во время которого сохранялись и претерпевали модернизацию лишь те привнесенные из мест выхода переселенцев прототипы традиционной культуры, которые не утратили своего ценностно-смыслового и практического значения в новых условиях, тогда как неприспособленные для них элементы за короткий отрезок времени переставали воспроизводиться потомками переселенцев.

Таким образом, традиционная культура переселенческих сообществ проходила через своеобразный «фильтр», сохранявший все полезное и отбрасывавший ненужное для жизни на новом месте. Эти эволюционные черты адаптации переселенцев сменились в годы советской власти на ряд «революционных» процессов, которые существенным образом изменили не только структуру расселения, но и многие социокультурные аспекты жизни в аграрной среде Сибири. В первую очередь к ним можно отнести нараставшие с конца 1920-х гг. процессы коллективизации и индустриализации, а также серьезные демографические провалы, вызванные последствиями Великой Отечественной войны. Немаловажную роль сыграла урбанизация (с 1926 по 2010 г. доля городского населения в России возросла с 18 % до 74 %¹¹), а также общие процессы модернизации жизненного уклада в советском селе. В результате этого большинство из рассмотренных в статье форм этнокультурной идентичности восточнославянских переселенцев в настоящее время носят реликтовый характер, оставаясь достоянием исторической памяти старших поколений, и не играют заметной роли в современной повседневной жизни. Поэтому, в целом, можно согласиться с выводом М. А. Жигуновой о том, что присущее ранее этнокультурному самосознанию восточнославянского населения Сибири деление на локальные, социальные, конфессиональные и другие группы к середине XX в. было практически утрачено¹². При этом спустя более 100 лет проживания на сибирской земле значительная часть потомков переселенцев приобрела новую объединяющую их грань идентичности, связанную с отождествлением себя с сибиряками¹³.

В целом, подвергая оценке социокультурное значение аграрных миграций восточных славян в Сибирь второй половины XIX – начала XX в., можно сделать вывод: благодаря им

преобладавшая ранее колониальная парадигма освоения азиатской части России постепенно начала уступать место полноценному обживанию ее территории, которое сопровождалось ее интеграцией не только в единое экономическое, но и социокультурное пространство России. При этом привнесенное на территорию Сибири многообразие вариаций традиционной культуры восточнославянских переселенцев представляет собой несомненную ценность как феномен отечественного культурного наследия.

¹ *Ганопольский М. Г., Федоров Р. Ю.* На пути к нефтегазодобывающей цивилизации (опыт историко-географической реконструкции) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 205.

² *Покшишевский В. В.* Заселение Сибири. – Иркутск: Областное государственное издательство, 1951. – С. 119.

³ *Мамсик Т. С., Ноздрин Г. А.* Колонизация аграрная Сибири в XVII – XX вв. // Историческая энциклопедия Сибири. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. 2. – С. 106.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Распределение населения по родному языку, губерниям и областям. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php?reg=4 (Дата обращения: 27.10.2018).

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=1082 (Дата обращения: 27.10.2018).

⁶ *Жигунова М. А., Фурсова Е. Ф.* Сибиряки // Историческая энциклопедия Сибири. В 3-х т. – Новосибирск: Издательский дом «Историческое наследие Сибири», 2009. – Т. III. – С. 101–102.

⁷ *Бережнова М. Л.* Загадка челдонов: История формирования и особенности культуры старожильского населения Сибири. – М.: Форум, 2012. – С. 46.

⁸ *Ганцкая О. А., Григорьева Р. А.* Белорусы. Историко-этнографический очерк традиционной культуры // Материалы к серии «Народы и культуры». – М.: КМЦ ИЭА РАН, 1992. – Вып. XXVI. – С. 41.

⁹ *Фурсова Е. Ф.* Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Западной Сибири: мультидисциплинарный подход // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – Т. 22. – № 2. – С. 103.

¹⁰ *Лобачевская О. А., Федоров Р. Ю.* «Свеча» в Сибири: этнографический и культурно-антропологический аспекты бытования обряда у белорусских переселенцев // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 1 (16). – С. 72–82.

¹¹ Сводные итоги Всероссийской переписи населения 2010 года. Изменение численности населения России. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol11/pub-11-1-1.pdf (Дата обращения: 27.10.2018).

¹² *Жигунова М. А.* Восточнославянское население в Сибири: этнокультурная история и идентичность // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2015. – № 3 (9). – С. 138.

¹³ *Жигунова М. А.* Влияние региональной идентичности на специфику культурного развития (на примере Сибири) // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности: Сборник научных статей. – Томск: Изд-во ТГУ, 2015. – С. 152–163.

Н. М. Маркдорф

*Новосибирский государственный
педагогический университет*

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МИГРАЦИИ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН В 1940-е – 1950-е ГОДЫ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье автор рассматривает правовые аспекты принудительных миграций советских граждан в послевоенный период. Приводятся основные нормативно-правовые акты, касающиеся возвращения отдельных категорий советских граждан в СССР, проблемы их фильтрации. Статья написана на основе документов федеральных и региональных архивов.

Ключевые слова: СССР, принудительное возвращение в СССР, советские немцы, «власовцы», перемещенные лица, репатриация, проверочно-фильтрационные лагеря, фильтрация.

N. M. Markdorf

Novosibirsk state pedagogical university

FORCED MIGRATIONS OF SOVIET CITIZENS IN THE 1940s – 1950s: LEGAL ASPECT

Современное российское общество проявляет повышенную потребность в новом осмыслении своего «советского» прошлого, в получении достоверного исторического знания, в изучении ранее не затрагиваемой или частично изученной проблематики. Одним из актуальных направлений в отечественной истории советского периода является изучение принудительных миграций различных категорий спецконтингента, принудительного возвращения в СССР советских граждан, проблем насильственной репатриации.

Документы, в различной степени освещающие принудительные миграции, принудительное возвращение в СССР советских граждан, сосредоточены в федеральных и региональных архивах. Можно выделить следующие их типы: